

Гу Чуньлай не стал ничего говорить. Ему не хотелось обсуждать это при ребёнке, ведь Сяо Жофэй казался ему довольно милым.

— Родственники старшей сестры приехали вчера. Она с мужем хочет побыть наедине, а я вызвался присмотреть за малышом.

Гу Чуньлай знал, что Юй Цяньфань должна была закончить съёмки несколько дней назад, но из-за изменений в графике задержалась в Байшуй. Несколько лет назад она родила ребёнка и с тех пор редко покидала Цзинчэн, даже во время гастролей театра брала с собой мужа и малыша. Этот проект стал для неё первым, когда она так надолго разлучилась с семьёй — целый месяц, что, безусловно, было тяжело.

Он посмотрел на ребёнка старшей сестры и извинился. Малыш, конечно, ничего не понял, но весело засмеялся, схватил горсть снега и, подражая взрослым, бросил ему в лицо.

В этот момент подошёл Чжан Ичэн. Увидев странную позу двоих и ребёнка рядом, он почувствовал, что что-то не так. Вспомнив, как вчера вечером он забирал их из беседки, где они сидели, отвернувшись друг от друга, и всю дорогу молчали, словно поссорившись, Чжан Ичэн попытался их примирить, но те никак не реагировали. В зеркале заднего вида он то и дело замечал, как один царапает ладонь другого, а тот в ответ сжимает его мизинец — казалось, они вовсе не собирались разрывать отношения.

Ради собственного спокойствия и счастья на работе Чжан Ичэн решил промолчать. Он подошёл, поздоровался, взял ребёнка и увёл его, оставив двоих наедине.

Когда малыш удалился, Сяо Жофэй спросил того, кто лежал под ним:

— Ты так рад?

Гу Чуньлай кивнул, как цыплёнок, клюющий зерно, снял перчатки и, немного повозившись, нашёл в фотоальбоме снимок. Это был скриншот из Weibo, где в комментариях пользователь с чёрным металлическим аватаром и ником «Чёрный свет» оставил два слова: «Доброе утро» — и смайлик с солнцем. Убедившись, что Сяо Жофэй рассмотрел, он переключился на другой снимок — страницу «Чёрного света», где красным кружком была обведена надпись «Взаимная подписка».

— Чёрный учитель подписался на меня! — воскликнул Гу Чуньлай, и в его голосе слышались три восклицательных знака.

Сяо Жофэй сделал вид, что удивлён:

— Ты так рад?

— Я подписался на него, когда у него было меньше тысячи подписчиков, под ником «Лиса, поздравляющая курицу!» — Гу Чуньлай вертелся, и его чёрный пуховик покрылся слоем снега. — К счастью, учитель написал рецензию на «Два города», и я смог открыто подписаться на него и комментировать его посты. Его анализ актёрской игры очень глубокий и точный, несколько слов — и уже столько вдохновения!

Сяо Жофэй подумал, что, конечно, ведь он смотрел каждый эпизод как минимум три раза.

Гу Чуньлай с удовольствием смотрел на телефон, а через несколько секунд, словно обнаружив новую землю, показал Сяо Жофэю:

— Я единственный актёр, на которого подписан Чёрный учитель! Как думаешь, если я с ним пообщаюсь, это поможет?

— Гу Чуньлай, что ты задумал? — Сяо Жофэй наклонился, чтобы взглянуть на экран. — Нельзя связываться с фанатами!

— Чёрный учитель не фанат, он профессиональный кинокритик!

Сяо Жофэй знал, что Гу Чуньлай сейчас увлечён своей звездой, и попытался отобрать у него телефон. Но Гу Чуньлай, снявшийся в детективе с множеством боевых сцен, был не так прост. После долгой борьбы Сяо Жофэй, видя, что тот не устаёт, просто прижал его к земле, лишив возможности двигаться.

Но эта поза... казалась немного неуместной.

Сяо Жофэй откашлялся, встал и помог Гу Чуньлаю подняться, указывая на трейлер:

— Давай поговорим внутри. На людях это неудобно.

— Кто же начал первым? — пробормотал Гу Чуньлай, но всё же послушно последовал за Сяо Жофэем к трейлеру.

На полпути Гу Чуньлай вспомнил о цели их встречи и, дёрнув Сяо Жофэя за рукав, спросил:

— Что ты хотел мне сказать вчера?

— А? Зачем ты спрашиваешь?

Гу Чуньлай опустил глаза на маленький кусочек снега у своих ног:

— Вчера ты всё время помогал мне, слушал меня. Теперь моя очередь слушать тебя.

Сяо Жофэй почесал голову через шапку, неохотно начав:

— Ну, объяснить сценарий, а потом... рассказать тебе, что произошло между мной и Яньнанем.

— Я действительно не хотел подслушивать, просто стены в гостинице тонкие, и все вокруг спали, так что я всё услышал, — поспешно объяснил Гу Чуньлай.

— Не в этом дело, — Сяо Жофэй отвел взгляд и вздохнул. — Он поцеловал меня.

Гу Чуньлай сглотнул.

Через несколько мгновений он пожал плечами и с лёгкой улыбкой произнёс:

— То, что происходит между вами, ваши отношения — это ваше дело, тебе не нужно мне обо всём рассказывать.

— Нет, — Сяо Жофэй посмотрел на него серьёзно. — Мы начнём встречаться после окончания съёмок, будем вместе. Поэтому я хочу быть с тобой честным и больше ничего не скрывать.

Гу Чуньлай остановился и внимательно посмотрел в глаза Сяо Жофэю.

Тот был возбуждён, в его глазах читалось нетерпение, и это отличалось от тех многочисленных

разговоров о грандиозных планах в прошлом, от объявления о начале отношений с Бай Яньнанем. Сяо Жофэй, казалось, был полон слов, которые готовы были вырваться наружу, как вода из прорванной плотины, и он мог бы говорить целый день и ночь, от заката до рассвета.

Но в голове Гу Чуньлай застряло только пять слов.

Встречаться.

Быть вместе.

Китайский язык богат и многозначен, и в нём можно найти бесчисленные скрытые смыслы, сравнимые со звёздами в небе. Но эти пять слов, как ни крути, кроме «стать парой», казалось, не имели другого значения.

Он тщательно обдумал, перевёл эту фразу на все известные ему языки и только потом осторожно произнёс:

— Ты хочешь сказать, что после окончания съёмки ты согласен стать моим парнем?

— Да...

Гу Чуньлай почувствовал, что снег вокруг стал ярче, а ложь — ослепительнее, словно улыбка этого человека, которая сбивала его с толку. Он схватил кисть шарфа Сяо Жофэя и медленно произнёс:

— Ты согласен ходить со мной на свидания, держаться за руки, обниматься, целоваться и... делать... что-то более глубокое и интимное?

Сяо Жофэй подумал, что всё, что упомянул Гу Чуньлай, они уже делали, разве что после начала отношений могли бы делать это дольше. Он кивнул и естественно ответил:

— А как ты думал?

Гу Чуньлай вдруг почувствовал слабость в ногах и опустился на бордюр. Его тревожное сердце было легко возвращено на место, и он не знал, радоваться ли этому или винить себя за глупость. Он достал из кармана пачку сигарет, разорвал внешнюю бумагу и фильтр, размял табак в руках и глубоко вдохнул, чтобы немного прояснить голову. С запинками он объяснил:

— Я думал... Я думал, что ты понял моё признание, но что нам нужно обсудить, как наши отношения будут развиваться.

— Обсудить? Я только рад твоим словам...

— Отлично, на этот раз я не ошибся... — Гу Чуньлай опустил голову в руки, как расслабленная струна, его голос был тихим и хриплым. — Хорошо, что твои намерения оказались гораздо лучше, чем я думал...

Сяо Жофэй присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с ним:

— Других намерений у меня и не было.

Гу Чуньлай дождался, пока его внутренности, прыгавшие от возбуждения, успокоятся, потёр горячее лицо и только тогда поднял голову, чтобы посмотреть на человека перед ним. Сяо Жофэй, видимо, что-то неправильно понял, беспорядочно перебирал карманы, вытаскивая

телефон, помаду, шоколадные сигареты и жевательную резинку. Разные мелочи рассыпались по земле, но он не стал их подбирать, а схватил тяжёлые лыжные перчатки и начал тереть ими лицо Гу Чуньлай.

После нескольких усиленных движений, услышав стон Гу Чуньлай, Сяо Жофэй наконец успокоился. Он посмотрел на покрасневшее лицо Гу Чуньлай и сказал:

— Ты не плачешь.

— Нет, — Гу Чуньлай улыбался слаще, чем снеговик, покрытый сиропом. — Почему ты так нервничаешь?

Сказав это, Гу Чуньлай вдруг понял, что Сяо Жофэй всегда действовал обдуманно, и такие важные вещи, как признание в любви, он точно не мог выпалить сгоряча.

Это признание здесь и сейчас было неожиданным.

И он сам был таким же.

Они уже выросли, перестали быть мальчишками, и даже если хотели любви, это должно было происходить естественно, с взаимопониманием, всё должно было быть вовремя и складываться само собой. Поспешное, необдуманное признание было острым обоюдоострым мечом — ярким и блестящим, но ранящим и себя, и других. Он хотел, чтобы всё шло своим чередом, хотел выглядеть опытным, но перед охотником, уверенным в своей добыче, даже самые опасные горы и ущелья казались ровными, как море, и не могли скрыть никаких мыслей.

<http://bllate.org/book/15563/1415759>